

Вершинин Александр Александрович,
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
Старший преподаватель кафедры Истории России XX-XXI веков
исторического факультета, кандидат исторических наук

Польский фактор в советско-французских отношениях (1930-1939 гг.)

В период между двумя мировыми войнами советско-французско-польские отношения представляли собой, по выражению французского историка Ф. Дессберга, «невозможный треугольник» («le triangle impossible»). Его основанием являлись отношения между Москвой и Парижем. Долгое время две страны испытывали стойкое взаимное неприятие, которое подпитывалось памятью о событиях Русской революции и Гражданской войны. В начале 1930х гг., столкнувшись с перспективой германского реваншизма, они начали медленное движение навстречу друг другу. Однако быстро выяснилось, что третья «вершина» треугольника, Польша, имеет собственную позицию по вопросам поддержания европейской безопасности. Польский фактор неизменно влиял на советско-французские отношения на протяжении всего предвоенного десятилетия. Какую роль он сыграл в итоговом провале проекта советско-французского союза?

В историографии на этот счет традиционно высказываются три точки зрения. Советские историки считали, что безответственная внешняя политика «буржуазно-помещичьей Польши» в сочетании с нерешительностью Франции сделали невозможным реальное сближение держав, заинтересованных в предотвращении гитлеровской агрессии. К схожим выводам приходит и ряд современных российских исследователей. Их оппоненты считают, что СССР несет свою долю ответственности за провал «большого альянса» и указывают на непоследовательную политику Москвы в отношении Варшавы. Те, кто придерживается третьей точки зрения, считают, что слабым звеном в «невозможном треугольнике» был

Париж: именно Франция не смогла сформулировать четкую внешнеполитическую линию на польском направлении, что превратило Варшаву в препятствие на пути к советско-французскому сближению.

Как представляется, именно последняя позиция адекватнее всего объясняет проблему. Французские элиты на протяжении всего межвоенного периода колебались в своем отношении к Польше. Если дипломаты проявляли определенную сдержанность, то ряд военных вплоть до 1939 г. выступали приверженцами польского союза, разделяя совершенно ошибочное представление о реальном военном потенциале Варшавы. «Шараханья» французской политики укрепляли Польшу в восприятии самой себя как великой державы при фактическом отсутствии реальных оснований для подобного взгляда.

По мере приближения войны, судьба лимитрофов становилась все менее ясной. В этой ситуации Парижу надо было определяться в вопросе о том, как именно он собирается поддерживать свою восточную систему альянсов. Уже в 1931 г. генерал М. Вейган писал о том, что без советского содействия франко-польский альянс лишен реального военного смысла. Очевидно, что учет советской позиции требовал принятия во внимания пожеланий Москвы в части обеспечения ее интересов в Восточной Европе. Франция, постепенно сдававшая свои внешнеполитические позиции, была к этому не готова. Польский фактор, в полной мере проявившийся в ходе англо-франко-советских переговоров весной-летом 1939 г., являлся, таким образом, лишь отражением бессилия Третьей республики и ее неготовности эффективно отстаивать собственную безопасность.

Aleksander A. Vershinin

Lomonosov Moscow State University

Senior Researcher of the Department of Russian History in XX-XXIst Centuries,
Faculty of History, PhD (History)

averchinine@gmail.com

The Polish Factor in Soviet-French Relationship (1930-1939)

In the period between the two World Wars Soviet-French-Polish relationship was, in the words of the French historian F. Dessberg, an "impossible triangle". Its foundation was the relations between Moscow and Paris. For a long time, the two countries experienced persistent mutual rejection, which was fueled by the memory of the events of the Russian Revolution and the Civil War. In the early 1930s, faced with the prospect of German revenge, they began a slow movement towards each other. However, it quickly became clear that the third "peak" of the triangle, Poland, has its position on the problem of European security. The Polish factor invariably influenced Soviet-French relations throughout the prewar decade. What role did it play in the final failure of the Soviet-French alliance project?

In historiography three points of view have traditionally been expressed in this regard. Soviet historians believed that the irresponsible foreign policy of "bourgeois-landlord Poland", combined with France's hesitancy, made it impossible to bring together the powers interested in preventing Hitler's aggression. Some modern Russian researchers come to similar conclusions. Their opponents believe that the USSR bears its share of responsibility for the failure of the "grand alliance" and speak about Moscow's inconsistent policy towards Warsaw. Those who hold the third point of view believe that Paris was the weak link in the "impossible triangle". It was France that was unable to formulate a clear foreign policy line towards Poland, which turned Warsaw into an obstacle to the Soviet-French rapprochement.

It seems that it is the latter position that most adequately explains the problem. French elites throughout the interwar period fluctuated in their attitude towards Poland. If diplomats showed a certain restraint, some top generals remained adherents of the Polish alliance up to 1939, sharing a completely erroneous idea of the real military potential of Warsaw. The "bumbling" of the French policy strengthened Poland in the perception of itself as a great power with the actual absence of real grounds for such a view.

As the war approached the fate of the border states became less and less clear. In this situation, Paris was to decide on how exactly it was going to support its eastern system of alliances. In 1931 General M. Weygand wrote that without Soviet assistance the Franco-Polish alliance was devoid of real military meaning. Obviously, effective collaboration with the Soviets presumed to take into account Moscow's desires regarding ensuring its interests in Eastern Europe. France, which gradually surrendered its foreign policy position, was not ready for this. The Polish factor, which fully manifested itself during the Anglo-Franco-Soviet negotiations in the spring and summer of 1939, was, therefore, only a reflection of the impotence of the Third Republic and its unpreparedness for effectively defending its security.